

Заложники судьбы

По случаю юбилеев народных артистов – Галины Анисимовой и Александра Ширвиндта

Григорий Заславский

Два юбилея двух народных артистов сошлись «в хронологическом порядке»: один – у актрисы Театра имени Маяковского Галины Анисимовой (среди двух крупных дат – одна открытая, 50 лет творческой деятельности); другой – у Александра Ширвиндта, в понедельник ему исполнилось 70. Поверить почти невозможно: не «вяжется» Ширвиндт, весельчак с печалью в глазах и в голосе, анекдотчик, участник всех бенефисов и юбилейных вечеров со своей круглой датой. У Ширвиндта прочно сложившаяся манера – жуира, знатока женских сердец и телес. Так что же, менять ее теперь?

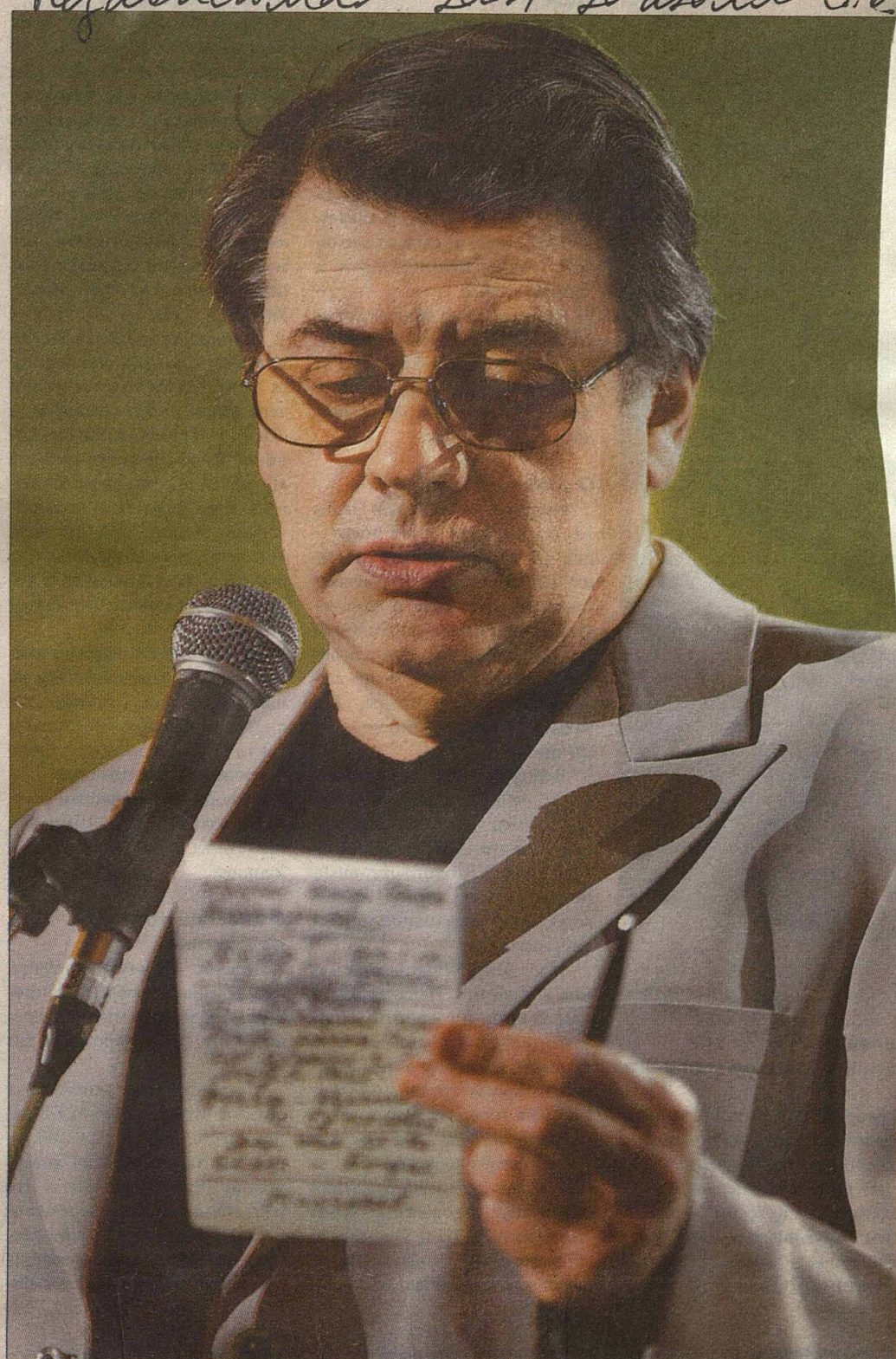
В непохожих творческих биографиях общее обнаруживается в самой первой строке: оба – выпускники «Шуки», Театрального училища при Вахтанговском театре. И, как будто нарочно, они демонстрируют крайности, если угодно, амплитуду колебаний вахтанговской школы: линию сначала лирической, а затем и характерной героини – у Анисимовой, веселье апарта, вечно созидающей и тут же разоблачающей себя театральности – в работах Ширвиндта.

Ширвиндт начинал в Театре имени Ленинского комсомола, играл в спектаклях Анатолия Эфроса, в том числе Тригорина, Людовика в булгаковском «Мольере», в пьесах Радзинского. За Эфросом ушел на Малую Бронную, но затем, в 70-м, – в Сатиру. Из 80 лет Театра сатиры он в театре – без малого половину срока.

В булгаковском Людовике – иронизирующем деспоте, чьи шутки всегда и всем по вкусу, – начало многих его ролей. Валентин Плучек, как прежде Эфрос, пытался вывести его за границы удобного и, вероятно, ему самому дорогого амплуа (ведь он играл и Молчалина, и Добчинского), плавно перешедшего со сцены в жизнь, но «другие» роли так и остались другими, не главными в его судьбе.

Он умел, и на этом умении настаивает, говорить не все, что думает, пряча «свое» в иронической интонации и более или менее откровенной полуулыбке, – умение, особенно ценившееся в 70–80-е и получающее ныне вторую или третью жизнь. Их диалоги с Михаилом Державиным, без которых не обходился ни один праздничный концерт, ценились прежде всего своею недоговоренностью и непроговоренностью. Здоровый цинизм – качество, кажется, одинаково свойственное как героям Ширвиндта (будь то Михаил из пьесы Радзинского «Поле битвы после победы принадлежит мародерам» или Павел из «Иронии судьбы»), так уже и ему самому.

Серьезное достоинство этой маски – в совершенном отсутствии злодейских «нот». Ширвиндт – и как герой, и как гражданин, – быть может, одна из самых добродушных фигур на небосклоне отечественного



Печальный весельчак Александр Ширвиндт.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

искусства, особенно, конечно, по нынешним временам. И в бизнесе, и в вопросах политической конъюнктуры соседи и товарищи по цеху всегда были на шаг впереди.

Конечно, жалко, что так часто он тратил талант по мелочам, тиражировал удачно найденное, вышучивая свои же шутки до самого доньшка. Мог, наверное, сделать больше, если судить, к примеру, по поставленному им (в соавторстве с Марком Захаровым) спектаклю «Проснись и пой». И может, судя по тому, как сыграл он Орнифля в пьесе Ануя – тонко сочетая сатиру с какою-то исповедальной печалью и юмором.

Всеобщее обожание мешает. Ширвиндт – действительный член Американской пушкинской академии искусств, президент «Академии юмористических авторитетов» премии «Золотой Остап», член попечительского совета и сопредседатель Московского английского клуба, член общественного совета ГУВД г. Москвы, необходимый атрибут всех богемных собраний. Это отнимает время. И требует соответствия.

В Щукинском училище ученица Цецилии Мансуровой, в Театре Маяковского – Николая Охлопкова, Анисимова постигла вахтанговские «пределы» и вахтанговскую свободу, может быть и сентиментальной, и бесстрашно смешной, умеющей нагнетанием деталей «взвинтить» свою роль до гротеска, несмотря на зрелость – поет и танцует, а голос ее и сегодня не потерял молодецкого задора.

Кто еще, как она, смог узнать счастье одновременной игры с Самойловым, который был ее партнером на сцене Театра имени Маяковского, и с Полом Скофилдом, для которого она стала русской Офелией в «сводном» двуязычном спектакле?! После смерти Охлопкова, привыкшая к вниманию и заботе, Анисимова не раз думала об уходе. Другие – ушли. Она осталась. Роли были все короче, паузы – все длиннее. Но и в крошечных ролях ей удавалось и удается сыграть характер, запомниться, убедить в оправданности сгущенных красок или карикатурных деталей.

И Анисимова, и Ширвиндт могут быть названы заложни-

ками судьбы: она – которая службу в Театре имени Маяковского приняла как «данность», за счастье первых лет «прощала» отсутствие ролей и равнодушие нового главного. В «родном» театре жила в покорном ожидании и, когда выпадали роли, умела быть на высоте сохраненного, через десятилетия пронесенного таланта и мастерства. Он – заложник маски самоуверенного умника и доброго циника, за годы эксплуатации ставшей частью натуры. От Александра Анатольевича публика ждет «соответствия» и обижается, сталкиваясь с чем-то другим, когда актеру вдруг самому становится любопытно сыграть нечто иное. Сделав шаг в сторону, он обычно возвращается в границы знакомого амплуа. Даже грубые шутки ему прощают. Только в отличие от других Ширвиндт сумел придумать маску не только для себя. Среди его заслуг – «эпохальный дуэт» Маврикиевны и Никитичны, конечно, глядящий Эверестом на фоне нынешних новых русских старушек, тем более молодых.